

Представители этих институтов (учителя, служители церкви, руководители детско-юношеских организаций) приобретают черты идеальных (нормативных) личностей, окруженных ореолом подвижничества, патриотизма, выступающих хранителями и трансляторами обще гуманитарных ценностей и духовного совершенства. Вот эпизод из воспоминаний об учебных заведениях М.А. Оксаковской. «Закон Божий преподавал архимандрит Филарет, человек высокой эрудиции и глубоких знаний в области богословия, философии и политики.... Архимандрит Филарет очень спокойно и мягко общался с учениками и поражал нас проникновенностью и убедительностью своих бесед.... Сама Мария Алексеевна [Оксаковская] оказывала удивительно облагораживающее влияние на всех учеников. При ее появлении в зале, классе или коридоре наши ноги сами собой поднимали нас и руки вытягивались по швам. Наступал момент какой-то благоговейной тишины.... Ее присутствие было не довлеющим, а наоборот – ощущалась полная свобода духовного общения» (6).

Индивидуальность восприятия, осмысления, оценки прошлого, в той или иной степени выраженные в статьях бывших эмигрантов, сильно корректируются исходными смыслообразующими характеристиками российской эмиграции в Маньчжурии, как Русской Атлантиды. Изучая материалы периодической печати бывших эмигрантов из Маньчжурии, можно вполне оправданно говорить о том, что символический мегатекст (образ Русской Атлантиды) формирует контекст описания личностно локализованного исторического прошлого в многообразии индивидуальных текстов.

1. Гавришина О.В. Историческая наука в ситуации «постмодерна». По материалам работы Ф.Р. Анкерсмита «Эффект реальности в трудах историков» // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Сер. 5. История. 1997. № 2. С.59, 62.
2. Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии // Вопросы истории. 2001. № 9. С.48.
3. На сопках Маньчжурии. Новосибирск, 1998. №51. С.6.
4. Русские в Китае. Екатеринбург, 1995. №1. С.1, 2.
5. Федоров Л. // На сопках Маньчжурии. 1997. № 43. С.1.
6. Там же. 2000. № 75. С.2.

Соколова Е.С. (Екатеринбург)

Поиски абсолюта: взгляд г-жи де Сталь на ментальную карту России XVIII – начала XIX вв.

14 июля 1812 г. дерзновенная и блистательная г-жа де Сталь пересекла в сопровождении своей семьи русско-австрийскую границу в Бродах по направлению к Киеву. Перед ней открылся «край весьма плодородный, но вовсе лишенный приятности: вокруг простираются бескрайние... поля» с редко разбросанными деревьями. Г-жа де Сталь была поражена бескрайностью и однообразием равнинного ландшафта: в крае,

скудно заросшем «одной лишь печальной березой», она тоскует «даже по камням, ибо кругом нет ни холмов, ни долин».

Впоследствии, описывая свои скитания по России, Сталь не раз вспомнит о бесконечных пространствах, перед которыми отступает даже неумолимое время. На отрезке пути между Киевом и Москвой путешественницу охватывает чувство сильнейшей внутренней тоски: «Я словно видела страшный сон – тот, в котором, как быстро ни иди, все равно остаешься на месте».

Яркость и новизна впечатлений от чуждого просвещенной Европе образа жизни российской провинции все же не заслонили для писательницы литературно-публицистическую задачу. К началу XIX в. в западноевропейской культуре уже сложилась традиция россики, основанная на реминисценциях из наблюдений предшественников. В комментариях к первому полному русскому переводу книги Ж. де Сталь «Десять лет в изгнании» В.А.Мильчина справедливо замечает, что для «философской географии» «Путешествия по России» можно указать «параллельные» места в сочинениях авторов XVIII века (1). Остается добавить, что традиционные представления просветителей о взаимозависимости климата и рельефа с общим духом нации и формой правления носят, применительно к России, характер логической парадигмы, основанной на кабинетных размышлениях о закономерностях русской истории.

Литературные источники, использованные г-жой де Сталь, уже достаточно полно исследованы. Активно дискутируется вопрос о пространственных пределах воображаемых российских «ментальных карт», созданных в Век Просвещения и дополненных путевыми заметками немногочисленных путешественников (2). Приступая к описанию поездки по России, Ж. де Сталь и сама оказалась в замешательстве, не зная, какую именно ось – Восток-Запад или Север-Юг – выбрать для моделирования собственной морально-философской конструкции.

Определенная заданность концептуальной «сетки» сквозит уже на первых страницах путевых заметок г-жи де Сталь. Она играет роль лубознательной путешественницы не по доброй воле: изгнание из наполеоновской Франции заставляет пристально вглядываться в чужую Россию, чтобы понять причину упорного противостояния «северного исполина» политическому глобализму Первой империи. Опираясь не только на труды своих предшественников в жанре «ментальной географии», но и на собственные впечатления, г-жа де Сталь с удивлением констатирует парадокс, сразу же разрушающий одномерные рассуждения просветителей о русском варварстве и деспотизме: «До сих пор никому не приходило в голову считать Россию самой свободной из европейских держав... Страны, откуда я выехала, слыли мирными, на деле же правитель-

ства их поставляли солдат Наполеону, и путешественник... не мог ступить ни шагу, ...не подвергаясь полицейским преследованиям».

Вопреки сложившейся в просвещенной Европе литературной традиции г-жа де Сталь отказывается от идеи несовместимости российского самодержавия с принципом свободы. Наблюдая быт и нравы различных слоев русского общества, писательница приходит к выводу о том, что близость России к границе с Азией формирует дух нации на основе объединения контрастных свойств. Сталь предрекает русскому народу приближение эпохи великих свершений, «ибо противоположными свойствами обладают, как правило, лишь существа выдающиеся». Нетрудно догадаться, что речь идет о возможной победе над армией Наполеона. К числу же ведущих черт национального характера русских г-жа де Сталь относит как терпение, так и жажду активной деятельности.

Еще одно проявление контрастности общего духа русской нации автор «Путешествия по России» видит в исключительной приверженности к традиционализму в сочетании с духом подражательности, «по вине которого русские люди подчас вовсе утрачивают национальный характер». Комментируя фрагмент беседы Наполеона с генерал-адъютантом Александра I А.Д.Балашовым, подлинность которого (комментария) подтверждается рядом лиц, г-жа де Сталь особо подчеркивала значимость утверждения генерал-адъютанта о том, что в век всеобщего атеизма в Европе Бог сохраняется только в душах русских и испанцев. «Прекрасный ответ», - восклицает де Сталь, уподобляя москвичей «кастильцам Севера».

На страницах «Путешествия» не раз задается вопрос об оправданности включения России в северное пространство ментальной географии. С точки зрения г-жи де Сталь, «русские... имеют куда больше сходства с народами Юга», которые «чванятся роскошью, могуществом и отвагой». Показательно, что писательница полностью отвергает мнение Ш.Л.Монтескье о расслабляющем влиянии южного климата на природу человека, который, в силу лениности чувств легко мирится с деспотизмом. С ее точки зрения сердцами русских безраздельно владеет религиозный и военный дух, благодаря чему в первые же месяцы войны с Францией «нация... обнаруживала исключительную энергию сопротивления и готовность к самопожертвованию».

Влияние Европы, обнаруженное г-жой де Сталь при более близком знакомстве с повседневностью обеих столиц, наоборот, вызывает у нее чувство глубокой тревоги. Путешествуя по Украине, она, по ее собственному признанию, уже полюбила яркие наряды женщин, в которых «есть нечто азиатское». С восторгом Сталь упоминает о том, как супруга польского губернатора Н.И.Богданова встретила приезжую знаменитость «на азиатский манер – с шербетом и розами». Ее воображение по-

ражает Москва, сияющая золотыми куполами, напоминающими турецкие минареты. Феерические праздники, которые затевают московские вельможи, оппозиционно настроенные по отношению к петербургскому двору, г-жа де Сталь уподобляет образам из сказок «Тысячи и одной ночи». Не случайно вид европейского платья в особняках аристократов заставляет писательницу опасаться, что русские вот-вот покорятся деспотической власти Наполеона, по милости которого гражданский кодекс позволяет «навязать самым разным нациям одинаковый порядок».

Г-жа де Сталь не скрывает своего желания увидеть Наполеона поверженным ради того, чтобы в парижских салонах восторжествовала ее любимая интеллектуальная атмосфера, когда «мужчины и женщины острого ума с приятностью беседуют меж собой». Подобные настроения позволяют ей переосмыслить схему политического рабства, разработанную в философии Просвещения под влиянием географической доктрины Монтескье. В трактате «О духе законов» содержится утверждение о том, что «в Азии свобода никогда не возрастает», так как воинственное население холодного плюса противостоит изнеженным жителям юга, в силу чего одни неизбежно господствуют, а другие подчиняются. Г-жа де Сталь придерживается иного мнения. Она утверждает, что деспотизм власти и порабощение народа в России преувеличенно просвещенными философами Европы. Истинный деспотизм заключается не в самодержавности и закреплении крестьян, а в тираническом Просвещении наполеоновской Империи, которая насильственно объединяет столь разные нации континента «ради того, чтобы торговый дом Бонапарт и К^о получил исключительные права на продажу английских товаров».

В России возникновение подобной политической ситуации невозможно из-за отсутствия третьего сословия, противопоставляющего собственные интересы интересам империи. Патриархальный быт в значительной степени нивелирует противоречия между дворянством, крестьянами и монархом. Патернализм власти, соединенный с православной терпимостью к инакомыслию является, по утверждению де Сталь, основным источником царящего в Российской империи общественного духа, при котором «массы и вожди движимы простыми идеями: верой в Бога и любовью к Отечеству».

Г-жа де Сталь была слишком тонким и проницательным наблюдателем для того, чтобы впадать в крайности, оценивая новый для нее строй мыслей, чувств, обычаев, политической практики. Она не отрицает поверхностности своих замечаний, частично объясняя ее тем, что «народы, существующие под властью деспотической, более склонны к притворству, нежели к раздумьям». Сталь не идеализирует Россию, но и не судит ее. Свою задачу писательница видит в том, чтобы развенчать одномерный стереотип просветительской россики, основанный, с ее точки зре-

ния, на предвзятых суждениях о нескольких русских, живущих долгами в Париже. Наличие национального характера как силы, объединяющей власть и сословия, является в оценке г-жи де Сталь мощным импульсом для преодоления философических химер наполеоновского глобализма. В обширной литературе по Отечественной войне 1812 года не раз высказывалось подобное суждение, во многом навеянное публицистическими рассуждениями г-жи де Сталь о преимуществах деспотизма. Вот почему ее размышления о России заслуживают не снисходительного упоминания, а детального изучения для более полной реконструкции ментальной России рубежа XVIII – XIX вв. и ее соотношения с подлинным историческим бытом Российской империи.

1. Мильчина В.А. Жермена де Сталь и ее «философическая география» // Сталь Ж., де. Десять лет в изгнании. М., 2003. С.22-23.

2. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С.6-10.

Солодкин Я. Г. (Нижевартовск)
С. В. Бахрушин о начале сибирского летописания
(историографические заметки)

Большинство современных исследователей раннего сибирского летописания держится на выводах одного из крупнейших отечественных историков XX в. С.В. Бахрушина.

В статье о воспроизведенных Семеном Ремезовым «туземных легендах» С.В. Бахрушин допускал, что Строгановская летопись (далее – СЛ) повлияла на Есиповскую или же они имели общий источник. Вместе с тем ученый полагал, что если даже Есиповская летопись (далее – ЕЛ) независима от более ранней СЛ, то последняя «ближе стоит» к этому источнику (1). Думается, однако, что М.Б. Шейнфельд не избежал преувеличения, считая, что в первой сибиреведческой работе С. В. Бахрушина «уже намечена в отдельных своих звеньях новая схема» развития летописания за Уралом, изложенная автором в его «Очерках по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» спустя десятилетие (2). Скорее можно согласиться с заключением М.Б. Шейнфельда о том, что в статье, опубликованной в 1916 г., С.В. Бахрушиным предложено новое решение вопросов происхождения ранних сибирских летописей (3), аргументированное затем в «Очерках ...». Используя шахматовскую методiku текстологического анализа, ученый в этой книге пришел к выводу о том, что ЕЛ и СЛ восходят к единому протографу – «написанию» (далее – Н), врученному ветеранами «Ермакова взятия» «Закаменской страны» первому тобольскому архиепископу Киприану Старорушанину; тот на основе полученных «списков» составил синодик (далее – С) атаманов и